
Уолт
УИТМЕН

УОЛТ
УИТМЕН

Листья травы

МОСКВА
2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
У 39

Серия основана в 2001 году

Оформление *А. Саукова*

Перевод с английского

Предисловие, составление *А. Шарановой*

Разработка серии *А. Новикова*

В оформлении обложки использована репродукция
картины «Home Ranch 1888» (1892 г.)
художника Томаса Икинса

Уитмен У.

У 39 Листья травы : [пер. с англ.] / Уолт Уитмен. — М. : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Народная поэзия).

«Листья травы» — сборник стихотворений Уолта Уитмена, в свое время взбунтовавший Америку, ставший одним из важнейших литературных событий XIX века. Уитмен — новатор свободного стиха (верлибра), певец счастья и света, ликований и надежд, любви и товарищества — великий бард Америки девятнадцатого века.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© А. Шаранова, составление, предисловие, 2015	© В. Левик, перевод. Наследники, 2015
© К. Чуковский, перевод. Е. Чуковская, 2015	© И. Кашкин, перевод. Наследники, 2015
© М. Зенкевич, перевод. Наследники, 2015	© Э. Шапиро, перевод. 2015
© Р. Сеф, перевод. Наследники, 2015	© Б. Слуцкий, перевод. Наследники, 2015
© О. Чухонцев, перевод, 2015	© Л. Иотковская, перевод, 2015
© Э. Шустер, перевод, 2015	© Н. Булгакова, перевод, 2015
© А. Сергеев, перевод. Наследники, 2015	© О. Волгина, перевод, 2015
	© Н. Банников, перевод. Наследники, 2015
	© Н. Тимофеева, перевод, 2015
	© Г. Кружков, перевод, 2015
	© В. Куприянов, перевод, 2015
	© А. Старостин, перевод. Наследники, 2015
	© Издание на русском языке, оформление, ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-61703-6

Я ЗНАЮ, ЧТО Я БЕССМЕРТЕН

Летом 1855 года в маленькой типографии Бруклина журналист Уолтер Уитмен сам набрал и отпечатал в восьмистах экземплярах книжку из одиннадцати своих стихотворений. Первое издание «Листьев травы» вышло в свет 4 июля 1855 года.

Каждое последующее издание книги пополнялось новыми фрагментами.

В московских библиотеках можно найти то, что является приблизительной копией этой книги. Зеленый коленкоровый переплет с оттисками трилистников клевера и былинки тимopheевки или пырея. Имени автора на обложке нет, оно лишь явствует из текста самой значительной в книге поэмы «Песнь о себе», и ему соответствует персонаж дагерротипного портрета, очень точно переданный в написанных чуть позднее строчках:

Книга взбунтовала газетную Америку, и на дерзкого автора обрушился каскад пародий, как правило, нелепых и вульгарных. Однако говорить, что большая литература Америки отнеслась к молодому поэту так же предвзято и без понимания, было бы неосторожно. У поэтов-современников, не сомневавшихся, что рождается огромное дарование, были свои мотивы для критики и неприятия, которые понял впоследствии и сам Уитмен. Выдающийся поэт Джон Уитьер, по некоторым свидетельствам, бросил в огонь книгу, присланную ему с дарственной надписью. Но Уитьер был квакер, человек глубоко верующий, и «плотницкая» терминология применительно к лирическому герою Уитмена показалась ему прямым кощунством. Другой прекрасный поэт того времени Сидни Ланир (иногда транскрибируют Лэнир), тоже верующий и к тому же консерватор-южанин, увидел в книге люмпенские тенденции. «По Уитмену выходит, — писал Ланир, — что если прерии обширны, то дебоширство похвально, и если Миссисипи полноводна, то каждый американец бог». Когда об Уитмене заговорили в присутствии Эмили Дикинсон, поэтесса произнесла в ответ: «Но говорят же, что он безнравствен». Мы однако не знаем, какое выражение лица было в этот миг у затворницы из Армхерста. Мне представляется, что в ее черных глазах промелькнуло непередаваемое лукавство.

Посетивший Америку при жизни Уитмена молодой норвежский прозаик, драматург и поэт Кнут Гамсун тоже отозвался о «Листьях» со свойственным ему критицизмом. Перечисления имен и предметов, слабая мысль и небольшой талант. «Всюду он заявляет, что намеревается воспеть то-то и то-то, но всякий раз дело начинается и кончается перечислением», — иронизирует Гамсун. И все же была оговорка, за которую прощаешь Гамсуну его категоричность: он признает, что бруклинский дикарь, почти ничего не читавший, кроме Библии, «проникновенно, настойчиво добр».

Но тот, кто был в ту пору главным авторитетом для Уитмена, кому он, от природы застенчивый, с трепетом посылал свои стихи, — маститый философ и поэт причудливой, смелой образности Ралф Уолдо Эмерсон принял книгу с энтузиазмом и восторгом: «Мудростью и талантом «Листья травы» самобытнее всего, что доселе создавала Америка. Я счастлив, что читаю эту книгу, ибо великая сила всегда доставляет нам счастье».

Можем ли мы, однако, признать теперь, что у оппонентов Уитмена были «свои резоны»? Его обращение со Словом святого писания, конечно же, дерзновенно. Но и надделение грешного человека чертами Сына Божия (например, Жюльен Сорель у Стендаля — сын плотника), и богоборческие мо-

тивы — все это издавна присутствует в европейской традиции, и здесь Уитмен лишь продолжает других. Но с досадой читаешь о его верности всем богам и божкам, какие только есть и были на Земле. Сам он в стихотворении «Отвечайте!» полемически рисуя образ превратного общества, пишет, что в нем уравниены будут с человеком «и рак, и моллюск, и угорь, и скат». Не то же ли самое приравнение к христианской вере религий, о которых сказано, что они мерзость перед лицом Божиим?

Со временем книга, так и оставшаяся единственной, разрастется до огромных размеров, от издания к изданию пополняясь новыми стихами. Едва ли самому автору она принесла счастье. Своей великой силой он мало дорожил. Уже год спустя по выходе книги он стал понимать, что его мечту примирить в праотце Адаме «атлетическую демократию» с заповедями блаженства едва ли возможно в земной жизни. Он расстается с обликом титана, его поздние стихи полны музыкальности, тонкой образности и мудрых жизненных наблюдений. Лучшее из этих стихотворений — реквием Аврааму Линкольну, известный по переводу Корнея Чуковского. Многие миниатюры (как ни странно звучит это понятие применительно к поэтике Уитмена) переведены совсем недавно и в основном поэтами, которые сами пишут свободным стихом. Этот малый

порез. Судьба Базарова. Уитмен остался жив, но был уже почти все годы прикован к постели.

Бейте, бейте, барабаны! — Трубите, трубы, трубите!
Сквозь окна, сквозь двери — врывайтесь, подобно
наглой силе безжалостных людей...

Переводы остались неопубликованными, но Тургенев мог читать их друзьям. От Тургенева, а может быть, из каких-то других источников мог узнать об Уитмене Фет, который вообще-то отлично знал немецкий язык и мог читать переводы на немецкий. И можно предположить, что космические темы у Фета являются под воздействием Уитмена. Известное стихотворение, где русский поэт, обращаясь к Богу, говорит:

Нет, Ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной, —

возможно, связан с фрагментом «Песни о себе»:

Огромное, яркое солнце, как быстро ты убило бы меня,
Если бы во мне самом не всходило такое же солнце.

Известны противоречивые, но, в конечном счете, сочувственные отзывы об Уитмене Льва Толстого. Вот последний из известных: «Волт Витман... очень интересный философский поэт. Он был раз-

бит параличом и, несмотря на это, жизнерадостен. Он очень малоизвестен в России, а значительнее всех».

В начале века Уитмен в России прозвучал голосом сразу двух поэтов — Константина Бальмонта и Корнея Чуковского. Чуковский написал и глубочайшее исследование поэзии Уитмена, характеризуя его как поэта не психологического, а космического: «Миллион — единица его измерений. Вот он смотрит на вас, но видит не вас, а ту цепь ваших потомков и предков, в которой вы — минутное звено. Спросите у него, который час, и он ответит: вечность. Я еще не встречал никого, кто бы так остро ощущал изменчивость, текучесть, бегучесть вещей, кто был бы так восприимчив к извечной динамике космоса».

Чуковский особенно много сделал, чтобы привить Уитмена русской поэтической школе. Блок, Гумилев, Мандельштам, Маяковский читали Уитмена в его переводе и вели с ним беседы об американском барде. От цикла «Дети Адама» пошло название «адамисты», которое дали себе поэты акмеистического направления. Гумилев взял у Уитмена «сад планет» (точнее, у него «зоологический сад планет» — контаминация с хлебниковским «Зверинцем», тоже явно уитменианским). О влиянии Уитмена на Маяковского подробно пишет Чуков-

ский в книге «Мой Уитмен». Маяковский соотносил с Уитменом свою стратегию литературного поведения и в глазах многих современников был его двойником. Известна злая эпиграмма-частушка Есенина:

Эх, сыпь! Эх, жарь!
Маяковский — бездарь!
Рожа краской питана,
Ободрал Уитмана.

Видимо, выпад отчасти вызван был и обидой: ведь и у Есенина была в Уитмене своя доля. И «Кобыльи корабли» и «прозрений дивный свет» имеют уитменианское происхождение.

В критике лирического героя Уитмена часто называют сверхчеловеком. Едва ли это верно. Сверхчеловеческое подразумевает аристократическое и интеллектуальное начало. Титанизм Уитмена связан с «атлетической демократией» и при этом имеет христианские корни, хотя и с сильным оттенком сектантского мистицизма (может быть, по аналогии с уитменовским квакерством явилось тяготение русских поэтов к разного толка мистическим сектам). В сознании поэтов начала века образы Ницше и Уитмена соседствовали, но не сливались. Можно сказать, что символизм и акмеизм больше имели ницшеанских акцентов, а футуризм и имажинизм — уитменовских.

Уитменовские образы в урбанизме Брюсова, а также геополитических стихах Блока и Мандельштама — тоже особая большая тема.

Еще хотелось бы вернуться к стихотворению «Отвечайте!». Оно из раннего Уитмена, а между тем в нем поэт выступает не как всемирный гражданин или новый Адам, а как зрелый носитель христианского сознания и, кстати, замечательный проповедник. В этом отношении он мог повлиять на некоторые темы проповедей даже у иерархов православной церкви, например Антония Сурожского, говорившего, в точности повторяя Уитмена, что блаженство человек обретает нигдеже, как в себе самом, но в присутствии Бога.

Заметим, что во второй части нашей книги взяты не самые известные стихотворения Уитмена. Мы объясняем это желанием показать новые, малоизученные стороны дарования великого барда Америки девятнадцатого века.

А. Шаранова

Листья травы
Первое издание (1855)
